

Научная статья
УДК 303.83
doi: 10.17223/2312461X/48/7

От полевых материалов к публикации: работа Н.П. Дыренковой с текстами шорского эпоса

Дмитрий Анатольевич Функ

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
d_funk@iea.ras.ru*

Аннотация. На основе анализа полевых и чистовых записей шорского героического эпоса 1930-х гг., сохранившихся в архиве Н.П. Дыренковой (НИИ МАЭ РАН (Кунсткамера)), демонстрируются особенности работы исследовательницы по подготовке текстов к публикации. Выявленные разночтения оригиналов и вариантов, готовившихся Н.П. Дыренковой к публикации, характеризуют специфику авторской оценки исходных текстов и своей роли как автора публикаций с поправкой в том числе и на политический контекст времени, а в более широком плане то, как этнографы/этнологи превращают свои полевые записи в антропологические тексты.

Ключевые слова: Дыренкова Н.П., шорский героический эпос, подготовка полевых материалов к публикации, проблема авторства исследователя фольклора, политический контекст исследований

Для цитирования: Функ Д.А. От полевых материалов к публикации: работа Н.П. Дыренковой с текстами шорского эпоса // Сибирские исторические исследования. 2025. № 2. С. 137–157. doi: 10.17223/2312461X/48/7

Original article
doi: 10.17223/2312461X/48/7

From Field Materials to Publication: The Work of N.P. Dyrenkova with the Texts of the Shor Epic

Dmitry A. Funk

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, d_funk@iea.ras.ru

Abstract. Based on the analysis of field and final records of the Shor heroic epic of the 1930s, preserved in the archive of N.P. Dyrenkova (Research Institute of the MAE RAS (Kunstkamera)), the features of the researcher's work on preparing texts for publication are demonstrated. The revealed discrepancies between the originals and the versions prepared by N.P. Dyrenkova characterizes the specifics of the author's assessment of the source texts and her role as the author of publications, including the political context of the time, and more broadly, how ethnographers/ethnologists turn their field records into anthropological texts.

Keywords: Dyrenkova N.P., Shor heroic epic, preparation of field materials for publication, the problem of authorship of a folklore researcher, the political context of research

For citation: Funk, D.A. (2025) From Field Materials to Publication: The Work of N.P. Dyrenkova with the Texts of the Shor Epic. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 137–157. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/48/7

В предисловии к фундаментальному тому «Шорский фольклор», изданному Надеждой Петровной Дыренковой (1899–1941) в 1940 г., есть фраза, которая послужила поводом не только для поисков возможно сохранившегося наследия этой выдающейся исследовательницы, но и для рождения целого ряда научных «мифов»:

«Приведенные (в книге. – Д.Ф.) образцы героического эпоса дают лишь самое общее представление об этом наиболее богатом и пышном в художественном отношении жанре шорского фольклора. *Героическому эпосу и сказителям – кайчи будет посвящен второй том моей работы* (курсив мой. – Д.Ф.)» (Шорский фольклор 1940: v).

Второй том с текстами шорского эпоса, увы, так и не вышел. Н.П. Дыренкова умерла в Ленинграде 28 октября 1941 г., когда ей было всего 42.

После смерти Дыренковой ее полевые и иные материалы, долгое время хранившиеся в отделе этнографии Сибири в Кунсткамере, были сданы в архив. По состоянию на начало 1980-х гг., судя по информации из листков использования архивных дел, к ним за прошедшие десятилетия обращались буквально единицы исследователей. Например, Н.И. Гаген-Торн просматривала записи на русском языке для написания очерка о жизни и деятельности Дыренковой, а А.И. Чудояков работал непосредственно с записями шорского эпоса и, насколько мне известно, сделал не только отдельные выписки, но и снял копию сказания «*Қаны суғу қурбас ала құл'аттығ Ақ Көбелек*», которое он собирался издавать (см.: Афузова 2008: 20; в тексте, равно как и на приведенной в ней фотографии листка с автографом А.И. Чудоякова, это сказание названо «Ак Көбек»).

Впервые с архивом Н.П. Дыренковой в Кунсткамере (Ленинградская часть Института этнографии АН СССР, в настоящее время – НИИ Музей антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера). Ф. 3. Оп. 1) я познакомился в 1982 г. Позже, в 1987–1989 гг., при моей помощи он был разобран и каталогизирован. Тогда же была опубликована полная опись сохранившихся в архиве текстов шорского героического эпоса (Функ 1989: 15–19).

И все же ученые и любители, занимавшиеся шорским языком и фольклором в 1980–1990-е гг., по большей части оставались в неведении относительно судьбы архива Дыренковой. Незнание, вероятно, и привело к рождению и циркулированию слухов о том, что будто бы второй том

шорского фольклора, который Дыренкова готовила к изданию и в который должны были войти лишь эпические тексты, был в готовом виде вывезен из страны известным лингвистом и фольклористом Н.Н. Поппе: эта версия судьбы Дыренковских записей однажды была рассказана мне шорским лингвистом Э.Ф. Чиспияковым. Затем Поппе был «амнистирован» и получила хождение иная версия – о будто бы хранящемся в Ленинграде втором томе «Шорского фольклора». В развернутом виде она была озвучена в 1998 г.: «...среди неизданных работ, имеющих непреходящую ценность, – второй том шорского фольклора Н.П. Дыренковой, хранящийся в Институте этнографии в С.-Петербурге (книга написана хорошим почерком без поправок, полностью готова к набору)» (Шенцова 1998: 120). Впрочем, были и иные версии: «К великому сожалению, второй том этой книги, где был собран эпос Горной Шории, погиб в блокаде Ленинграда, вероятно, вместе с автором» (Колюпанов 1996: 5).

Работа непосредственно с архивом тем не менее велась и в эти годы.

В частности, в 1999 г. вышел мой очерк исследований шорского эпоса Н.П. Дыренковой (Функ 1999; позднее этот текст с дополнениями и уточнениями в качестве параграфа вошел в монографии 2005 и 2024 гг.; там же была опубликована и уточненная опись архива), а также был издан русский перевод сказания «Каткан-Чула, имеющий старшую сестру Алтын-Коок», выполненный этой исследовательницей (Шорская 1999: 129–140).

В начале 2000-х гг. появилась еще одна краткая опись шорских эпических текстов, составленная на основе знакомства с частью архива Дыренковой (Д. 69, 70, 73, 74, 75, 78, 79, 91, 94, 99, 83, 85, 89, 235) (Арбачакова 2001: 131–136).

Публикаций архивных фольклорных материалов, записанных на шорском языке, в последующие два десятилетия не было, хотя надо отметить, что проекты, в которых эта задача ставилась, были. Помимо устных сообщений моих коллег И.А. Невской и Л.Н. Арбачаковой о предоставлении им в начале 2000-х гг. ксерокопий нескольких чистовых записей шорского эпоса из архива Н.П. Дыренковой, об этом свидетельствует и моя переписка того времени с заведующей отделом этнографии Сибири Л.Р. Павлинской, в которой речь идет об отказе в предоставлении материалов со ссылкой на то, что работа по подготовке их к изданию уже ведется². Исключением в работе с архивом Н.П. Дыренковой стал фундаментальный том с этнографическими ее статьями и полевыми материалами (Дыренкова 2012).

В последние несколько лет – после получения разрешения директора Кунсткамеры А.В. Головнева и сканов примерно полутора десятков эпических текстов – я стал целенаправленно работать с записями героического эпоса, которые в 1930-е гг. Дыренкова делала у шорцев. В 2022 г.

мной был издан нормализованный (на кириллице и сообразно современным нормам орфографии шорского языка) и мною же переведенный на русский язык один эпический текст из этого архива – «Қырық эмчектиг Қыдай-Арығ» / «Сорокагрудая Кыдай-Арыг» (Семь вечеров 2022: 72–105), а вскоре было принято согласованное с дирекцией Кунсткамеры решение о подготовке большого тома с шорскими текстами Дыренковой для издания их в серии «Кунсткамера. Архивы».

Первой задачей, которую необходимо было решить, являлся выбор текстов для подготовки их к публикации. Именно выбор, поскольку ни о подготовке сразу всех сохранившихся в архиве записей, ни даже хотя бы только тех, что были самой Дыренковой переписаны набело (вполне возможно, что это свидетельство того, что сама исследовательница намеревалась их издать в первую очередь) речь не могла идти из-за огромных объемов, не говоря уже о трудоемкости и времязатратности реализации этой идеи³.

В архиве Дыренковой сохранилось 35 полных записей шорского героического эпоса, которые были сделаны лично ею⁴: два текста были записаны от некоего Азры в улусе Кубансу в верховьях р. Мрас, семь от Н.А. Напазакова (два из них переписаны набело), 13 от А.И. Абакаева (из них 7 переписаны набело), три от Г.Н. Кастаракова, пять от П.Н. Амзорова (два текста переписаны набело), два от И.П. Амзорова (один из них сохранился лишь в нескольких чистовых вариантах и в переводе на русский язык, без полевых записей), один от К.П. Апонаева (полевые записи и чистовик) (все шесть сказителей – из куста деревень в самых низовьях р. Мрас), один от Г.Ф. Токмашева из улуса Березовая Грива в низовьях Кондомы (полевые записи и чистовик) и, наконец, еще один текст в записи от неизвестного сказителя существует лишь в виде большого, почти на 140 страницах, машинописного текста с разбивкой на стихотворные строки на русском языке⁵ (подробнее см.: Функ 2024: 501–504).

Все они выполнены на шорском языке, латиницей, от руки, очевидно, под диктовку, и делятся на те, которые существуют лишь в виде полевых записей в школьных тетрадах (их примерно две трети от общего числа записей), и те, которые есть как в виде полевых записей, так и в набело переписанных вариантах на листах формата А4 (примерно треть или если говорить об объеме в листах, то это 473 листа чистовых записей), хотя есть и тексты, существующие лишь в виде чистовых вариантов, а один, упомянутый выше, и вовсе лишь в машинописи и только на русском языке.

Говоря о больших объемах текстового материала, я имею в виду не только собственно реально большой объем, но и необходимость в случае издания включать в книгу не два варианта каждого текста, как это сделала бы Н.П. Дыренкова (шорский текст на фонетической латинице и

перевод на русский язык), а три, имея в виду шорский текст на современной кириллице и в соответствии с современной орфографией шорского языка. Без этого главная задача книги, которая видится мне как возвращение культурного наследия шорскому народу, вряд ли будет считаться решенной.

Варианты компоновки сохранившихся архивных текстов могли бы быть различными, но в итоге я остановился на том, чтобы представить в книге хотя бы по одному тексту, записанному в каком-то одном районе Шории, но от каждого из тех сказителей, от которых были сделаны полные записи эпоса. Исходя из этого, выбор предсказуемо пал на нижнемерасский район, в котором в основном работала Н.П. Дыренкова и в котором она записала наибольшее число эпических сказаний.

Таким образом, в 2024 г. началась работа со следующими эпосами, записанными в 1936 г.⁶ Н.П. Дыренковой от нижнемерасских сказителей: «*altyn köök räčäliġ qatqan čula*» – от Ивана Прокофьевича Амзорова (Д. 237), «*Qara qan*» – от Григория Николаевича Кастаракова (Д. 93), «*Qara qan*» – от Константина Павловича Апонаева (кайчи⁷ Карол) (Д. 102), «*qazyr tō*» (Д. 81) и «*qyr öläŋ aq öläŋ*» (Д. 89) – от Алексея Ивановича Абакаева (кайчи Ахмед) (Д. 81), «*Altyn toŋus*» – от Николая Александровича Напазакова (кайчи Морошка) (Д. 73, 74), «*ałtyn qamčy=ba oq sałyyn*» – от Прокопия Никоноровича Амзорова (кайчи Акока) (Д. 97). Общий объем рукописных текстов на шорском языке составил 259 листов.

Поскольку, как уже было сказано, была поставлена задача включить в книгу записи полных текстов всех сказителей нижнемерасского района, с которыми работала Дыренкова, то кроме тех текстов, которые были переписаны ею самой набело, мне пришлось взять в работу и один из тех, который существует лишь в виде полевых записей, – это эпос «*Qara qan*», записанный от Г.Н. Кастаракова.

Процесс работы с архивными шорскими текстами, во многом занудный и монотонный, оказался по-своему увлекательным, поскольку ежедневно требовал от меня нахождения решений, связанных как с переводом рукописей в компьютерный формат, для чего был необходим подбор соответствующих символов, с конвертированием латиницы в современную кириллицу (скорее, я поступал ровно наоборот, поскольку набор записанных на латинице текстов представлялся мне более удобным и быстрым именно на кириллице), с постоянным решением – я бы сказал, в значительной степени этического – вопроса о пределах допустимой «нормализации» в попытке максимально сохранить диалектные и персональные особенности языка сказителей и вместе с тем обеспечить максимальную близость текстов к нормам современного шорского литературного языка, не говоря уже о поиске ответов на вопросы о значении

устаревших слов, отсутствующих в современных словарях, и смысле отдельных эпических формул при переводе текстов на русский язык и подготовке своих комментариев.

Этот процесс вполне может стать темой отдельного очерка, который в большей мере будет интересным, наверное, лингвистам, специалистам в области текстологии, чем собственно антропологам. В данном же случае я хочу остановиться на другом аспекте работы, а именно поразмышлять над соотношением полевых и чистовых фольклорных материалов, тех материалов, которые, скорее всего, как раз и готовились самой Дыренковой к изданию в заявленном ею в 1940 г. «втором томе», или, если говорить более общо, над тем, как антропологи превращают свои полевые записи в академические тексты (в нашем случае несколько менее претенциозно – превращают их в публикации фольклорных материалов). Проблема соотношения полевых материалов и выходящих в итоге из-под пера антропологов книг и статей активно обсуждается в антропологическом сообществе как применительно к текстовым практикам, которые выходят за пределы собственно текстов, поскольку оказываются связаны с необходимостью учета, например контекстов власти или институциональных ограничений (см.: Clifford 1986: 2), так и к профессиональным иллюзиям, порождаемым в ходе полевых исследований, которые отражаются затем в научных текстах (de Seta 2020). Не менее значимым, как мне представляется, является и то, какую роль примеряет на себя антрополог (этнограф) в ходе полевых работ и особенно в процессе последующей обработки записанного – скажем «автора» или же «редактора» записанных в поле фольклорных текстов, что я попробую показать в этой статье.

Сначала несколько слов о чистовых записях шорских текстов в архиве Н.П. Дыренковой. Все они сделаны на листах формата А4 чернильной ручкой на фонетической латинице (разной степени точности в разных текстах), как правило, без использования прописных букв, в том числе при написании имен персонажей. Большая их часть вряд ли может быть сочтена финальной версией, поскольку изобилует описками, зачеркиваниями, комментариями на полях (обычно это карандашные пометки с вариантами перевода тех или иных слов и словосочетаний) (рис. 1), хотя есть и несколько на удивление чистых рукописей, без каких-либо пометок в тексте или на полях.

Довольно быстро выяснилось, что без обращения к полевым записям даже при наличии чистовиков не обойтись – где-то были явные орфографические ошибки и описки (число описок в подавляющем большинстве даже набело переписанных текстов исчисляется многими десятками, если не сотнями), ошибки в именах персонажей, в обозначении мастей

богатырских коней, пропуски целых фраз (заметные при чтении текста), а где-то меня просто что-то смущало, как, например, немотивированные зачеркивания уже написанных слов. Оказалось, что Н.П. Дыренкова не только исправляла отдельные грамматические формы, но и опускала какие-то фрагменты записанного от сказителя текста или же, наоборот, брала на себя роль сказителя, вставляя какие-то слова и даже целые фразы в чистовой текст или, скажем, меняя порядок слов в предложении.

Обратимся к примерам.

Первый из них иллюстрирует не только пропуск нескольких слов в чистовой записи (в сравнении с той, что был сделан непосредственно от сказителя), но и изменение порядка слов в чистовике. В сказании «Qara qan», записанном⁸ от К.П. Апонаева, читаем:

Anaŋ körzälär, alton qulaş synnyġ saryġ qara qannuŋ čurtun Kälim qys qara qannuŋ čurtun kör taŋnap tura pardy (Д. 102. Л. 14).

Фраза выглядит так, как если бы она состояла из двух различных частей. После слова *saryġ* явно не хватает подлежащего (указания на коня) и какого-то сказуемого. И эти слова нашлись в полевых записях: *sar'at tura tüştü* (Л. 51). То есть, в чистовом варианте первое предложение в приведенном выше фрагменте должно читаться так:

Anaŋ körzälär, alton qulaş synnyġ saryġ [sar'at tura tüştü].

Затем (они) увидели, с шестидесятисаженным крупом (желто-)[соловый конь опустился] (перевод мой. – Д.Ф.).

Соответственно, окончание фразы, приведенной изначально, является самостоятельным предложением. Но и в нем в чистовом варианте обнаружилось расхождение с полевой записью.

Если в чистовике мы читаем:

Kälim qys qara qannuŋ čurtun kör taŋnap tura pardy (Л. 14).

Келим-кыс, чурт Кара-хана рассматривая, стояла (перевод мой. – Д.Ф.),

то в полевых записях:

kelim qys kör taŋnap tura ^bpardy q.q.nuŋ čurtun (Л. 51).

Келим-кыс, рассматривая, стояла, чурт К[ара]-х[ан]а (перевод мой. – Д.Ф.).

Да, сказитель, диктовавший текст, «нарушил» в данном случае привычный порядок слов в предложении, характерный для тюркских языков (глагол обычно стоит в конце предложения), но является ли это достаточным основанием для того, чтобы исправлять его речь?

В этом тексте, впрочем, как и в других, довольно много пропусков, равно как и вставок, принадлежащих самой Дыренковой. Приведу еще два примера из того же эпоса «Qara qan» в записи от К.П. Апонаева.

Kün köbünän qarbaščä'lar, kün ärtiști, aï köbünän qarbaščylar, toγus çylγa šyγara qarbaščalar (Л. 18).

Больше дня сражаются, день прошел, больше месяца сражаются, в течение девяти лет сражаются (перевод мой. — Д.Ф.).

poš taštady. Altyn ötgägä kirä pasty. Äzin
aža äzän çärçä, ägmän ködür, mianı bär-
çä. Uluğ qan apšü goldan qar, qoltuqtan
çölär, altyn stolγa (odurttu) odurtça.
«Käq çödüñ = ma - tädir, çayn pastyñ
= ma? » tädir.
- «Qızyl küñ toγašsam, oqqa qyštap
adarya çöçäm! - tädir. qys arıyγy toγašsam
tilgä qyštap alaryñ ^{çöçäm! sän altyn talıa qyzyñny alaryñ} ~~çöçäm! sän altyn talıa qyzyñny alaryñ~~ köñ-
nün çäträ, alaryñ; kölänmäzäm, ad qalañ
tädir.
«Män çärindä - tädir, abyç çadyğ çö-
qul - tädir, iğä alyp kälip, tuduščalar. Kira-
si - uş qulaqtyğ qara qul - attyğ qara qylyş,
piri si - qulun aq attyğ çäş köbär, tär alyp
tar tuduščalar. Qajızy öläñ, qajızy qal-
lar! (qajızy öläñ, qajızy qalaryñ
pilleñçäm). İardyn sön qalγan alyp = ma
sän tudužaryñ. Sän qalγan, qys qalazy sän
çädar!»
İñçä miança pažynda uluğ aγaş uşır
ärtir, uluğ küñün östär aıtyr. İq tubanmyñ
arazynan qara qul' attyğ qara qylyş päs
= şyqty İq qulun attyğ çäş köbär ölüp qal-
tyr. Şaqıynan altyn toγıt şyγa äñgürdü
qara qylyş alyp ^{ma} äñgürä päs = pardy. Paş-

Рис. 1. Страница с чистовой записью эпоса «Алтын-Тонгус»
(Д. 73. Л. 3)

Фраза с точки зрения следования принципам построения эпических формул выглядит неполной. Обращение к полевым записям, как и в предыдущем случае, позволило выявить пропуск нескольких значимых слов: *aï ärtiști, çyl köbünän qarbaščalar*.

То есть фраза в чистовом варианте должна была бы выглядеть так:

Kün köbünän qarbašča'lar, kün ärtišti, aï köbünän qarbaščylar [aï ärtišti, çyl köbünän qarbaščalar], toγus çylyş şyγara qarbaščalar.

Больше дня сражаются, день прошел, больше месяца сражаются, [месяц прошел, больше года сражаются], в течение девяти лет сражаются.

Еще один пример находим на листе 22:

Qan qor'at at ünü=bä kištädi, alyptyñ ünü=bä çöqtandy.

Кроваво-каурый конь по-лошадиному заржал, по-богатырски заговорил (перевод мой. – Д.Ф.).

В полевых же записях текст иной, с усеченной формулой:

q. qor'at alyptyñ ünübile coqtandy (Л. 55 об.)

К[роваво]-каурый конь по-богатырски заговорил (перевод мой. – Д.Ф.).

Очевидно, здесь текст подвергся «улучшению», исходя из знания Дыренковой о полной эпической формуле «*at ünü=bä kištädi, alyptyñ ünü=bä çöqtandy*» у шорских сказителей⁹, возможно, в том числе и в творчестве сказителя К.П. Афонаева, от которого был записан эпос «*Qara qan*» (впрочем, уверенно говорить об этом нельзя, поскольку от Афонаева был записан лишь один текст).

Здесь же, кстати, видно и то, что при подготовке полевых записей к изданию исследовательница производила нормализацию шорских текстов, заменяя, в частности, некоторые аффиксы на те, которые соответствовали бы новой орфографии: в данном случае вместо аффикса *-биле* был использован аффикс *-бе*.

Порой в текстах встречаются описки (?), затуманивающие смысл фразы.

Так, в чистовом варианте эпоса «*Altyn toγus*», записанного от Н.А. Напазакова, читаем:

Pala altyn örgä kirä ħärdi, altyn ustolya odurup aš čidi (Д. 73. Л. 24).

Ребенок в золотой дворец вошел, за золотой стол сев, аш поел (перевод мой. – Д.Ф.).

Поскольку в шорском эпосе *auu*¹⁰ либо наливают (*yp-*), либо пьют (*uu-*), то использование этого слова в паре с глаголом «есть» заставило меня перепроверить, а что же было записано непосредственно от сказителя. В полевых записях оказалось следующее:

altyn örgege cediniş kire berdi. ustolga odurup tabaq cidiler (Д. 74. Л. 7)

в золотой дворец, взявшись за руки, вошли. За стол сев, (еду) поели (перевод мой. – Д.Ф.).

Не только слово *tabaq* было заменено на *aš*, не только аффикс напр.-дат. пад. в случае со словом *örge* был заменен с *-ge* на долгую *-e* (*ä*), но

и смысл фразы, как видно, был существенно искажен. Из чистового варианта следует, что ребенок один заходит во дворец, садится за стол и «питье» ест, в то время как сказитель говорил о нескольких персонажах, которые вместе зашли во дворец (причем оговаривал, как именно — «взявшись за руки») и вместе же сидели за столом (определение «золотой» здесь было опущено) и «еду» ели.

Встречаются и иные серьезные вмешательства в текст оригинала, причем такие, которые позволяют говорить о том, что они делались вполне осознанно. В эпосе «*ałtyn qamčy=ba oq sałıyn*», записанном от П.Н. Амзорова, в одном месте мне встретились два зачеркнутых слова: *syngarap körgeñi* (Д. 97. Л. 116; см. рис. 2) — ‘внимательно посмотрел’.

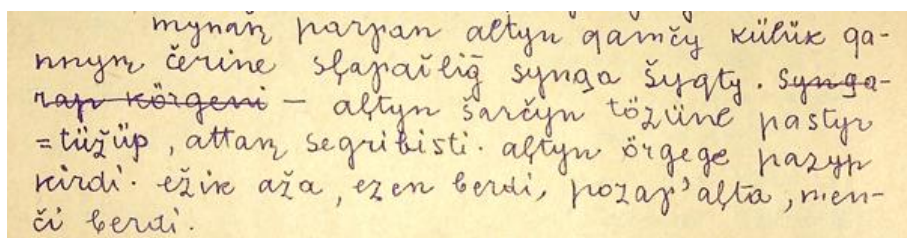

Рис. 2. Фрагмент чистовой записи текста эпоса «Алтын-Камчи и Ок-Салгын» с зачеркнутыми словами *syngarap körgeñi* (Д. 97. Л. 116)

Обращение к полевым записям (рис. 3) позволило обнаружить не просто эти два слова, но и несколько строк, которые по каким-то причинам исследовательница решила не включать в текст, готовившийся ею к публикации.

В полевых записях читаем:

syngarap körgeñi aq mal arg(a) ulus çatır kelip Ө O.Salg. ceenezi ałtyn orgede ponu saqtap odur cygan poltur.A.K. po argalyg synnañ azyra pastyrgany, O.S. ceenezi alt. orgedeñ şygyp ponu körüp turca (Д. 97. Л. 42)

Внимательно посмотрел — чистый скот, многочисленный народ живут. О[к]-Салгын, его племянник, сидя в золотом дворце, его поджидая, сидел, оказывается. Когда А[лтын]-К[амчи] горный хребет переваливал, О[к]-С[алгын], его племянник, из золотого дворца вышел, стоит и смотрит на него (перевод мой. — Д.Ф.).

Что стало причиной отказа от включения этого фрагмента в чистовой вариант текста, мы вряд ли сейчас сможем узнать.

Казалось бы, не так уж страшно пропустить или же, наоборот, вставить что-то в текст, но мне все же кажется, что исследовательница в какой-то момент перестала чувствовать ту грань, за которую нельзя заходить в попытке что-либо улучшить в исходных записях. Об этом говорит то, что примеров, подобных тем, что я привел выше, обнаружилось довольно много.

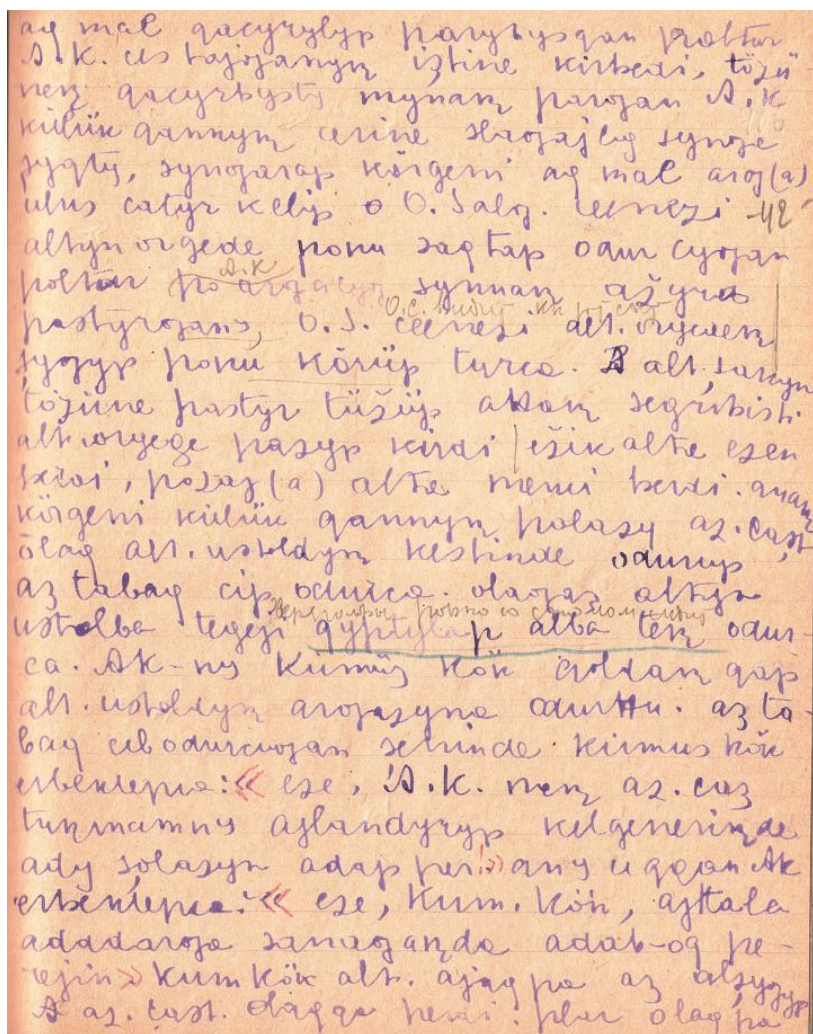

Рис. 3. Страница с полевыми записями эпоса «Алтын-Камчи и Ок-Салгын»
(Д. 97. Л. 42)

Зная о такой работе с текстами, невольно стали возникать сомнения и в тех случаях, когда в записях вдруг стали встречаться откровенно «народные» представления, скажем, о хане, который, вернувшись с охоты, делит добычу со своим подданным народом, причем оставляет себе меньшую часть:

añnardy adyñ alyp, qara por'atqa art saldy. uluğ synnañ äñip, adazyñyñ çürtuna çädip kälde. aña qıştyñ ädin iği pölbüsti, köp sabazyñ qara tañyanyñ tözüñdä çatqan albatqy çonyä päř saldy, as sabazyñ altyn örgäñ iştinä aparyp, altyn köök päçäzinä pärdi (Д. 237. Л. 32).

«Зверей и птиц настреляв, Каткан Чула на темносерого коня добычу навьючил. С великого хребта спустившись, в отцовский юрт въехал. Мясо зверей и птиц на две части разделил. Большую часть народу, живущему у подножья черной тайги отдал, меньшую часть в золотой дворец понес и старшей сестре своей Алтын Кёок подал» (Д. 237. Л. 56, перевод Н.П. Дыренковой; орфография и пунктуация оригинала сохранены. – Д.Ф.).

К сожалению, этот мотив, встретившийся в тексте сказания «*altyn köök räčäliġ qatqan čula*» («Каткан-Чула, имеющий старшую сестру Алтын-Кёёк»), оказалось невозможным сверить с полевыми записями, поскольку их в архиве нет.

Обращение к электронному корпусу шорских эпических сказаний (<https://corpora.iaa.ras.ru/corpora/>) свидетельствует о том, что в 62 текстах (по состоянию на начало 2025 г.) он встречается лишь один раз, причем именно в записях Н.П. Дыренковой: в сказании «*Qara qan*», которое она записала от К.П. Апонаева:

Ol albaty čonuna aŋ=ma qužun ortazyn pölüp tašta bārgān.
Albaty čonu tātā any körüp paqtap parčazy qyŋyryš=kālip alyayan: «čazun uzaq polzun, tāp, sāni čajayan čajačun čazun uzaq ātsin! ölbās mögü polzun!» alyayan
Этому подданному народу, половину птиц и зверей отделив, бросил/швырнул. Подданный народ, это увидев, славя (его), громко (букв. ‘крича’) благославлял: «Жизнь твоя длинной пусть будет, говоря, создавший тебя Создатель жизнь твою пусть долгой сделает! Не умирающим вечным будь!» (благославлял) (перевод мой. – Д.Ф.).

В опубликованных ранее текстах этот мотив встречается еще однажды, и вновь в записях Н.П. Дыренковой: в сказании «*aq qan*», включенном в том «Шорский фольклор», богатырь Ак-хан

aŋ qužunun ortazyn albaty čony artyza perdi; orta aŋ qužun altyn orgē āl-keldi
(Шорский фольклор 1940: 163).
Половину (убитого) зверя-птицы подданным людям оставил; половину зверя-птицы к золотому дворцу привез (Шорский фольклор 1940: 163).

Несмотря на вписанность этого мотива в целом в эпический стиль шорских сказаний, он все же не вызывает особого доверия. В эпосе народ безлик и пассивен. Это либо бесчисленный/многочисленный (*шоды чоқ улус-чон, арга чон / арга улус*), либо подданный народ (*албатқы чон*), который враги угоняют в плен и который наши богатыри-ханы пытаются вернуть, либо же сами угоняют подданный народ других ханов, а порой и просто, после победы над врагом, рубят его «в капусту» (*ақ малды арга улусту қабыста чеп кертчалар* ‘чистый скот (и) многочисленный народ словно капусту рубят’), поскольку им так много народа не нужно (пример из сказания «*čšaš taŋa*» из репертуара П.Н. Амзорова в записи Н.П. Дыренковой (Д. 97).

К сожалению, в нашем распоряжении нет полевых дневников Дыренковой (см. опись https://www.kunstkamera.ru/files/Archive_KK/opisi/f_3_op_1_polevye_materialy_i_nauchnye_trudy_pis_ma_k_dyrenkovo_j_n_p_trudy_drugih_lic.pdf, в которой под № 46–49 значатся лишь дневники за 1925–1927 гг., в то время как подавляющая часть записей эпоса была сделана не ранее 1936 г.¹¹), которые, возможно, помогли бы понять, как именно исследовательница работала со сказителями, обозначала ли она им какие-то вводные, предлагала ли включать в текст какие-то мотивы или же, наоборот, не упоминать их. Что такое практиковалось в то время, известно со слов моих пожилых информантов, которые помогали А.И. Смердову записывать шорский эпос в 1938–1939 гг., т.е. практически в те же годы, когда там работала Н.П. Дыренкова (Семь вечеров 2022: 142–143).

Возвращаясь к феномену превращения записанного непосредственно от информанта в то, что в итоге оказывается опубликованным, хочу обратить внимание на один эпический текст из числа тех, что был издан самой Дыренковой. Это пересказ сказания «aq öleŋ-me qut öleŋ». В комментариях к нему исследовательница писала следующим образом: «Текст Ак-öleŋг и Кыр-öleŋг приводится как образец пересказа героической поэмы. Полный текст этой героической поэмы-сказки войдет во II том настоящего издания» (Шорский фольклор 1940: 386). Пересказ, действительно, краток, он занимает всего полторы страницы (Там же: с. 154, 156 шорский текст и 155, 157 перевод на русский язык). Напомню основные звенья этого сюжета:

У подножия белого таскыла (сопки) на берегу белого моря в золотом дворце жили два брата, ездящие на большом и малом светло-чалых (*улуҕ-кичиҕ аҕ қыр ат*) конях. Когда Ак-Оленг ехал, то птицы-фламинго, сидевшие в гнезде промеж ушей его малого светло-чалого коня, пели, а девяностострунный тальниковый комус сам играл, завораживая всё и всех вокруг. Ак-Оленг замечает слезы в глазах своего младшего брата, Кыр-Оленга. Тот в ответ на расспросы брата рассказывает ему о его предстоящей смерти, поскольку такова воля Создателя. Кони останавливаются. С неба летит железная стрела и пробивает лопатку Ак-Оленга. Конь богатыря тут же убегает за живой травой и вскоре возвращается. Ак-Оленг оживает, садится на своего коня и уносится прочь. Младший брат расстраивается из-за того, что его брат потерял разум, решает не ехать вслед за ним и возвращается в стойбище своих родителей, где «живя и богатея, жить стал».

Имея в своем распоряжении название эпоса и пусть скудные, но все же некоторые сведения о сказителе (в комментариях к пересказу Дыренкова указала, что текст был записан в низовьях р. Мрас, в улусе Акколь, от сказителя из рода Карга: Шорский фольклор 1940: 386), я решил посмотреть, а что же сохранилось в архиве и насколько этот пересказ соотносится с полной записью этого сказания.

В архиве Н.П. Дыренковой хранятся две записи одноименного эпоса, причем обе как в виде полевых записей, так и в начисто переписанном виде. Одна была сделана от кайчи Ахмеда, А.И. Абокаева, из сеока («рода») Тогус Тас в улусе Сибиргинском; сказание названо «*qut öläŋ aq öläŋ*» и записано оно на 42 тетрадных страницах в черновике, а позже переписано набело на 41 листе (Д. 89). Другой одноименный текст был записан от кайчи Морощки, Н.А. Напазакова, из сеока («рода») Уста в улусе Чувашенском, точнее в Большой Чувашке, *üstünğ'аль*; это сказание в полевых тетрадях названо «*qut öläŋ aq öläŋ=mä*» (Д. 76–77) и «*qut öläŋ=mä aq öläŋ*» в чистовом варианте (Д. 78). Объем этого текста несколько меньший в сравнении с объемом ранее названного сказания: 38 тетрадных страниц в полевых записях и 37 листов в чистовике.

Иначе говоря, полных текстов этого эпоса, записанных в Акколе или же от сказителя если и не из Акколя, то хотя бы из какого-то соседнего улуса, который бы причислял себя к «роду» Карга, в архиве нет.

Хотя в моем распоряжении нет копии текста эпоса, записанного от Н.А. Напазакова, а есть лишь текст, который Дыренкова записала от А.И. Абокаева, я все же позволю себе некоторые комментарии. Дело в том, что сюжет эпоса, рассказанного Дыренковой этим сказителем, значимо отличается от того, что было представлено в «пересказе» в томе «Шорский фольклор». Кратко я указывал на это ранее (см.: Функ 2024: 363–364), но здесь назову основные сюжетные звенья этого сказания, записанного от Абокаева, с тем, чтобы имеющиеся расхождения были видны максимально отчетливо.

У подножия Черной тайги (высокой горы) с тремя дверями в золотом дворце живут Ак-хан и Алтын-Кас. Внутри тайги – управляющий именем Ак-хана Кыр-чайзан и Кыр-орекен. В обличье черных кошек появляются подземные персонажи Черные Шебельдей, которые убивают обоих богатырей, а их вдов, скот и народ угоняют с собой. Конь Ак-хана спасается сам, находит пленниц и возвращает на стойбище, где ранее появился сын Кыр-орекен, мальчика, родившегося в неволе у Алтын-Кас. Мальчики, ставшие братьями, получают богатырские имена Кыр-Оленг и Ак-Оленг. Там же звучит пророчество, согласно которому старший брат Кыр-Оленг будет жить вечно, если не будет нарушать уложения Создателя, а младший, Ак-Оленг, если небесная живая стрела пробьет его доспех, умрет. Сказано также, что Ак-Оленг будет ездить на трехухом коне, светло-соловом коне, у которого промеж ушей будет большое гнездо, а на крупе будет лежать и играть семидесятиструнный *чадыган-комус*. Братья отправляются мстить за своих родителей. Кыр-Оленг убивает Черных Шебельдей. Братья спасают своих матерей и возвращают награбленное имущество. Узнав имена своих суженых – у Кыр-Оленга это Хан-кыс, а у Ак-Оленга Кюмюш-Кёёк, – братья отправляются на их поиски. Ак-Оленга убивает небесной стрелой.

Птицы-фламинго, гнездившиеся между ушей коня, создают гроб, в который старший брат укладывает останки младшего брата. Они заполняют все пространство гроба и это означает, что он действительно умер. Конь Ак-Оленга теряет разум и убегает прочь. Кыр-Оленг отказывается от поисков суженой и возвращается домой. Там мать погибшего брата рассказывает ему, где может быть конь ее сына. Тот безуспешно пытается его настичь. Возвращается домой, и тут уже собственная мать отправляет его на поиски суженой. По дороге Кыр-Оленгу встречается богатырь, укоряющий его в том, что он забыл о своем брате, и предлагает ехать в землю некоего богатыря Табатта (именно его стрела, оказывается, убила Ак-Оленга). Богатыри приезжают туда, расправляются с Табатта и с одним из его сыновей. Оставленный в живых второй сын в благодарность дает Кыр-Оленгу волшебную свирель, которая может возвращать умерших к жизни. Наши богатыри разъезжаются по своим стойбищам. После возвращения домой мать Кыр-Оленга вновь отправляет сына на поиски суженой. Кыр-Оленг находит Хан-кыс, но та хитрит и, утверждая, что это не она, а именно Кюмюш-Кёёк (после смерти его брата) предназначена в жены Кыр-Оленгу, отсылает его, предварительно наделив его дополнительной силой. Кыр-Оленг успевает на пир, на котором Кюмюш-Кёёк должна была стать 71-й женой богатыря по имени Чек, и убивает соперника. В этот раз Кыр-Оленга обманывает Кюмюш-Кёёк, отказавшуюся превращаться в волшебный предмет и ехать в кармане своего «суженого». Она надевает одеяние кукушки, пообещав следовать за Кыр-Оленгом, но затем улетает, сказав, что Хан-кыс специально отослала его прочь, поскольку вот-вот закончится время, когда она еще может стать чьей-то женой. Кыр-Оленг возвращается во владения Хан-Кёёк. Та соглашается выйти за него замуж, после чего они оба отправляются на родину Кыр-Оленга. По дороге Кыр-Оленг вспоминает погибшего брата и начинает играть на свирели. Ее звуки разносятся по всему миру и в ответ слышатся звуки семидесятиструнного чадыган-комуса. Оживший Ак-Оленг просит брата играть на свирели, не переставая, чтобы он смог найти его по этим звукам. После того, как звуки свирели перестали раздаваться (свирель могла лишь трижды играть) на выручку приходит конь Кыр-Оленга. Кони братьев слышат ржанье друга и в итоге братья находят друг друга. Кыр-Оленг приезжает домой. Следом туда возвращается Ак-Оленг после поездки за своей суженой. Сказание завершается описанием свадебных пиров братьев.

Как мы видим, при наличии неких общих мотивов и имен двух главных героев, сюжет в данном случае действительно иной. Не у той горы (что для сказителей принципиально важно) разворачивается действие, не с братьев начинается повествование, иными показаны их роли (старший-младший, да не кровные они братья к тому же),

различаются и масти коней, на которых ездят главные герои, Ак-Оленг не лишается разума, а его оживание происходит не благодаря его коню и живой траве, Кыр-Оленг не отказывается от поисков брата, а, наоборот, прилагает массу усилий, чтобы его найти, герои не остаются без суженых и др.

Хотя в томе «Шорский фольклор» есть несколько фольклорных текстов разных жанров, записанных от некоего информанта из рода Карга¹² в улусе Акколь (Шорский фольклор 1940: тексты 59, 70 и 112), все же вопрос об авторстве «пересказа» эпоса о братьях Кыр-Оленге и Ак-Оленге лично для меня остается открытым.

Можно обратить внимание на еще один эпический текст – «Өленг Тайджи», вошедший в том «Шорский фольклор» (Шорский фольклор 1940: 72–80, 73–81), о котором в примечаниях было сказано: «Сказка Алтын Тайджи (sic! – Д.Ф.) не имеет обычной концовки, потому что сказитель передал ее не полностью» (Там же: 383). Записан этот текст, как явствует из примечаний, был от информанта из рода Четибер в улусе Томазак, в наст. вр. г. Мыски. В данном случае у нас есть возможность для идентификации текста, поскольку в архиве сохранилась запись одноименно эпоса, сделанная (возможно, не самой Дыренковой) от 15-летнего Петра Тодышева (Д. 70). Тодышевы – одна из фамилий, чья родовая принадлежность (сеок Чедьвер/Чедыбер) точно установлена. Мало того, наброски перевода этой рукописи на русский язык – они сопровождают примерно первую треть текста (первые 14 страниц из 55) – позволяют утверждать, что эта первая часть эпоса и есть тот самый «не полностью переданный сказителем текст», который вошел в том «Шорский фольклор». Каковы были причины указания при публикации фрагмента этого эпоса на его «недорассказанность» сказителем, сказать сложно.

Объяснений у представленных мной наблюдений может быть несколько.

Беру с книжной полки том «Шорского фольклора», составленный Дыренковой, и вижу на титульной странице посвящение, написанное ее рукой: «Лиле от автора 12/ VIII 1940» (рис. 4). От «автора»? Если Дыренкова действительно именно таким образом видела свою роль, то становится понятной та ее работа с текстами оригиналов, о которой шла речь в статье. Представления о фольклоре как об «искусстве слова» и благие побуждения вкупе с великолепным владением материалом порой способны сыграть злую шутку с исследователем, который, может быть и неосознанно, пытается представить публикуемые тексты так, как следует, а не так, как они были записаны.

Возможно также, что Н.П. Дыренкова чувствовала общую ситуацию, в которой народные эпосы все больше и все чаще стали подвергаться критике с разных сторон, в которой благом казалась доработка этих текстов, равно как и запись (вполне возможно реально существовавших)

фольклорных текстов о колхозах, счастливой советской жизни, о советских вождях и т.п.

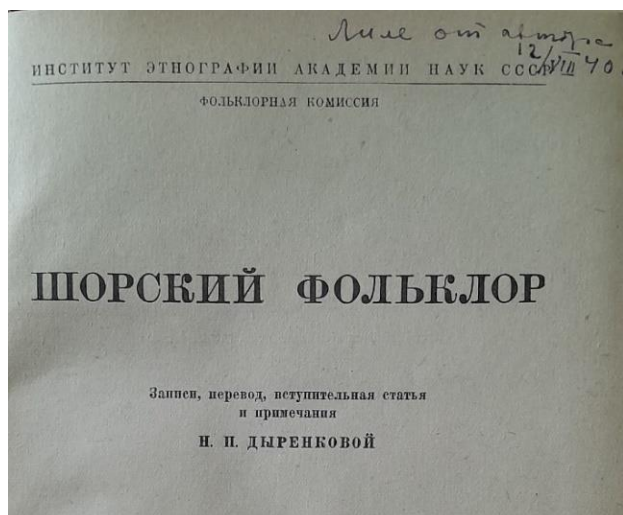

Рис. 4. Фрагмент титульной страницы книги «Шорский фольклор» (1940)

Вряд ли случайно сборник «Шорский фольклор» открывался именно блоком песен о Ленине и Сталине (Шорский фольклор 1940: 2–7). Во всяком случае, сама исследовательница отчетливо проговаривала идею возникновения нового фольклора в предисловии к книге:

Среди новых художественных произведений первое место занимают песни. <...> Они – живой отклик на живую действительность <...> Если в старых песнях доминировали ноты безнадежности и тоски, то новые песни полны чувством гордости радости и уверенностью в будущем. С особой любовью повторяет песня имена тех, кто дал шорцам радость свободного творчества – имена Ленина и Сталина (там же: xxxix).

Несколько позднее, в разгар кампании против народных эпосов, активно развернувшейся в СССР в 1944 г. с пиком в 1948–1952 гг. (подробно см.: Шнирельман 2024: 482–506), именно такого рода фольклорные штудии сотрудников Института этнографии АН СССР считались примером идеологически правильного подхода к фольклору, как об этом писалось, например, в газете «Правда» в 1951 г.:

Много произведений народного творчества собрано (сотрудниками Института этнографии. – Д.Ф.) в разных районах страны в послевоенные годы и, в частности, минувшим летом на Урале. В них выражены поэзия труда, пафос великих строек, идея борьбы за мир, за победу коммунизма, чувства всенародной любви к большевистской партии, к великому Сталину (Народное творчество. 1951. № 309: 2).

Вполне возможно, что часть каких-то мотивов в записанных Н.П. Дыренковой текстах представлялась ей несвоевременной, откуда и «не полностью переданные» тексты, и вызывающие вопросы «пересказы». В записанных текстах, действительно, много того, что плохо согласовывалось с декларируемыми в те годы социалистическими нормами, и потому благом, вполне возможно, представлялось не издавать что-то или же издавать в трансформированном виде. Кстати, в том же сказании о братьях Кыр-Оленг и Ак-Оленг в самом начале сказания есть мотив беспробудного пьянства Ак-хана. «Пересказ», начинающийся с названия имен двух братьев, позволял не затрагивать предысторию, иначе потребовалось бы каким-то образом объяснять читателям, почему эпические богатыри так ведут себя.

И все же, в заключении я хотел бы подчеркнуть несомненную значимость всех материалов, собранных Н.П. Дыренковой. Да, мы видим некие вольности в обработке этих записей, да, они полны описок и ошибок, но вместе с тем они являются уникальным, не имеющим аналогов, свидетельством высокого уровня развития эпической традиции у шорцев в 1930-е гг. и богатства сюжетов и эпического языка шорских героических сказаний, равно как и уникальным свидетельством специфики научной мысли в СССР практически столетней давности.

Мы довольно часто, говоря об истории науки, ограничиваемся перечнем работ того или иного классика, полагая это достаточным для характеристики его вклада в науку. И при этом оставляем в стороне ту самую «этнографическую кухню», где, в каких условиях и из чего «варились» труды этого классика. Речь, таким образом, не о попытках критиковать кого-либо за что-либо (мы все, все, кто работает в поле, делаем множество ошибок), а о том, чтобы понять, как и почему именно так наши предшественники видели в поле именно то, что они видели, как и для чего они это фиксировали, как обрабатывали и почему облекали свои мысли в ту или иную форму... а порой и просто молчали.

Примечания

¹ Здесь и далее в ссылках на архив Н.П. Дыренковой (Архив НИИ МАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1) указывается лишь номер дела.

² Из email-письма от 10.01.2003 г.: «К сожалению, в настоящий момент мы не можем предоставить Вам копии документов из архива Н.П. Дыренковой, т.к. решается вопрос о полном издании ее полевых этнографических материалов... Долгие годы в МАЭ не было средств на подготовку и издание архивных материалов, сегодня такая возможность появилась».

³ В данном случае речь не столько о большом объеме текстового материала, с которым сложно совладать, сколько о том, что сейчас в мире насчитывается буквально 2–3 специалиста, которые занимаются шорским героическим эпосом и, пусть и в разной степени, владеют шорским языком. В одиночку на реализацию проекта издания записей шорского эпоса, выполненных лишь одной Н.П. Дыренковой (а таких архивов по меньшей мере

еще четыре – С.С. Торбокова, А.И. Чудоякова, Л.Н. Арбачаковой и мой), может потребоваться 3–5 или даже больше лет.

⁴ Есть также несколько фрагментов эпических текстов, в том числе тех, что были записаны Н.П. Дыренковой, и полных записей, выполненных ее информантами.

⁵ Это сказание «Алтын Картыга», которое планировалось к изданию в серии литературных памятников «Academia» (Кондаков 1979: 111) или же в альманахе «Год XIX» (Дьяконова 1989: 3 со ссылкой на письмо из архива Г.Н. Райской, племянницы Н.П. Дыренковой), но так и не было опубликовано.

⁶ Дата может быть установлена лишь приблизительно. В одном случае исследовательница сама указала, что записала текст в 1936 г., но затем зачеркнула эти слова (Д. 237. Л. 1), во всех других 1936 г. – это дата, ранее которой запись не могла состояться: судить о времени записи текстов оказалось возможным лишь по дате выпуска школьных тетрадей, в которых Дыренкова делала свои записи непосредственно от сказителей. Для текстов «Qaqa qaп» Кастаракова, «Altyn toqus» и «ałtyn qamčy=ba oq saıyın» это 10.01.1936, а для текстов «Qaqa qaп» Апонаева и «qazyt tō» – 26.07.1936 г.

⁷ Кайчи (шор. қайчы) – сказитель, исполняющий эпос горловым пением – қай, аккомпанируя себе на музыкальном инструменте и чередуя пение с пересказом пропетого.

⁸ О времени записи можно судить по дате выпуска тетради, в которой был записан текст: 26.7.1936 г. Соответственно, запись текста могла быть выполнена как в том же 1936 г., так и позднее.

⁹ В творчестве сказителя В.Е. Таннагашева (1932–2007) из того же нижнемерасского района эта формула, регулярно использовавшаяся в подходящих случаях, выглядела так: *at ǰnǰbe kiſteпeчa, ałып sōzǰbe saıлапча* ‘конским голосом ржет, богатырскими словами говорит (выговаривает слова)’.

¹⁰ *Aш* – ‘хмельной напиток’ (впрочем, также и ‘ячмень’ и – редко – ‘пища’, но в этом значении чаще в сложном слове *aш-табақ* или *aшпа табақ*).

¹¹ Как было указано выше, об этом можно судить по дате выпуска тетрадей, в которых велись полевые записи.

¹² Следует также заметить, что низовья реки Мрас – это отнюдь не та территория, где расселились представители рода (сеока) Карга, разве что это могли быть отдельные семьи переселенцев из Южной Шории.

Список источников

- Арбачакова Л.Н. Текстология шорского героического эпоса. Новосибирск, 2001. 160 с.
- Афузова Т. Из архива профессора А.И. Чудоякова // Духовная Шория. Шорский фольклор в записях и из архива профессора А.И. Чудоякова. Кемерово: Кузбасс, 2008. С. 17–20.
- Дыренкова Н.П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. СПб.: МАЭ РАН, 2012. 408 с. (Серия «Кунсткамера – Архив». Т. VI).
- Дьяконова В.П. Надежда Петровна Дыренкова: к 90-летию со дня рождения // Фольклорное наследие Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1989. С. 3–14.
- Колупанов В. Алтын шор. Золотая Шория. Сказания, мифы, легенды, сказки Горной Шории. Кемерово, 1996.
- Кондаков Г. М. Горький и алтайский фольклор // Улагашевские чтения. Горно-Алтайск, 1979. Вып. 1.
- Народное творчество // Правда. 5 ноября 1951. № 309. С. 2.
- Семь вечеров. Антология шорского эпоса / Составление, перевод на русский язык, вступительные статьи и комментарии Д.А. Функа. М.: ИЭА РАН, 2022. 296 с.
- Функ Д.А. Миры шаманов и сказителей (комплексное исследование телеутских и шорских материалов). М.: Наука, 2005. 398 с.
- Функ Д.А. Эпические сказания шорцев в архиве Н.П. Дыренковой (Архив ЛЧ ИЭ АН СССР, ф.3, оп.1) // Фольклорное наследие Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1989. С. 15–19.

- Функ Д.А. Из истории изучения шорского эпоса (записи и публикации Н.П. Дыренковой 1925–1940 гг.) // Народы Российского Севера и Сибири. Сибирский этнографический сборник. М., 1999. Вып. 9. С. 120–128.
- Функ Д.А. Антропология героического эпоса. Крик, разрывающий дно Вселенной. М.: Культура, 2024. 566 с. (Методы антропологии).
- Шенцова И.В. Задачи лингвистов в области шорского языкознания // Деятельность Андрея Ильича Чудоякова и духовное возрождение шорского народа. Новокузнецк, 1998.
- Шницерельман В.А. В погоне за предками: Этногенез и политика. М.; СПб.: Нестор-История, 2024. 624 с.
- Шорская героическая сказка «Каткан-Чула, имеющий старшую сестру Алтын-Коок» [подгот. к публ. Д.А. Функа] // Народы Российского Севера и Сибири / Сибирский этнограф. сб. № 9. М., 1999. С. 129–140.
- Шорский фольклор / Записи, перевод, вступительная статья и примечания Н.П. Дыренковой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
- Clifford J. Introduction: Partial Truths // Clifford J. and G.E. Markus (eds.) Writing Culture. The Poetics and Politics of Ethnography. Univ. of California Press, 1986. P. 1–26.
- De Seta G. Three lies of digital ethnography // J. of Digital Social Research. 2020. Vol. 2, № 1. P. 77–97.

References

- Arbachakova L.N. (2001) *Tekstologiya shorskogo geroicheskogo eposa* [Textology of the Shor heroic epic]. Novosibirsk. 160 p.
- Afuzova T. (2008) Iz arkhiva professora A.I. Chudoiakova [From the archive of Professor A.I. Chudoyakov]. In: *Dukhovnaia Shoriia. Shorskii fol'klor v zapisiakh i iz arkhiva professora A.I. Chudoiakova* [Spiritual Shoria. Shor folklore in the records and from the archive of Professor A.I. Chudoyakov]. Kemerovo: IPP «Kuzbass», pp. 17–20.
- Dyrenkova N.P. (2012) *Tiurki Saiano-Altai. Stat'i i etnograficheskie materialy* [Turks of Sayan-Altai. Articles and ethnographic materials]. St. Petersburg: MAE RAN. 408 p. (Seriia «Kunstkamera — Arkhiv». Vol. VI).
- D'iakonova V.P. (1989) Nadezhda Petrovna Dyrenkova: k 90-letiiu so dnia rozhdeniia [Nadezhda Petrovna Dyrenkova: on the 90th anniversary of her birth]. In: *Fol'klornoe nasledie Gornogo Altaia* [Folklore Heritage of the Altai Mountains]. Gorno-Altai, pp. 3–14.
- Koliupanov V. (1996) *Altyn shor. Zolotaia Shoriia. Skazaniia, mify, legendy, skazki Gornoi Shorii* [Altyn Shor. Golden Shoria. Tales, myths, legends, fairy tales of Mountain Shoria]. Kemerovo.
- Kondakov G. (1979) M. Gor'kii i altaiskii fol'klor [M. Gorky and Altai folklore]. In: *Ulagashevskie chteniia* [Ulagashevsky readings]. Gorno-Altai. Vol. 1.
- Narodnoe tvorchestvo [Folk art], *Pravda*, 5 November 1951, no. 309, p. 2.
- Sem' vecherov. *Antologiya shorskogo eposa* / Sostavlenie, perevod na russkii iazyk, vstupitel'nye stat'i i kommentarii D.A. Funka [Seven Evenings. Anthology of the Shor Epic / Compilation, translation into Russian, introductions and comments by D.A. Funk]. Moscow: IEA RAN, 2022. 296 p.
- Funk D.A. (2005) *Miry shamanov i skazitelei (kompleksnoe issledovanie teleutskikh i shorskikh materialov)* [Worlds of Shamans and Storytellers (A Comprehensive Study of Teleut and Shor Materials)]. Moscow: Nauka. 398 p.
- Funk D.A. (1989) Epicheskie skazaniia shortsev v arkhive N.P. Dyrenkovoi (Arkhiv LCh IE AN SSSR, f. 3, op. 1) [Epic tales of the Shors in the archives of N.P. Dyrenkova (Archive of the Leningrad Branch of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences, f. 3, op. 1)]. In: *Fol'klornoe nasledie Gornogo Altaia* [Folklore Heritage of the Altai Mountains]. Gorno-Altai, pp. 15–19.
- Funk D.A. (1999) Iz istorii izucheniia shorskogo eposa (zapisi i publikatsii N.P. Dyrenkovoi 1925–1940 gg.) [From the history of the study of the Shor epic (recordings and publications

- of N.P. Dyrenkova 1925–1940)]. In: *Narody Rossiiskogo Severa i Sibiri. Sibirskii etnograficheskii sbornik* [Peoples of the Russian North and Siberia. Siberian Ethnographic Collection], Vol. 9. Moscow, pp. 120–128.
- Funk D.A. (2024) *Antropologiya geroicheskogo eposa. Krik, razryvaiushchii dno Vseleynoi* [Anthropology of the Heroic Epic: A Cry That Tears the Bottom of the Universe]. Moscow: Izdatel'stvo «Kul'tura». 566 p. (Metody antropologii).
- Shentsova I.V. (1998) Zadachi lingvistov v oblasti shorskogo iazykoznaniiia [The tasks of linguists in the field of Shor linguistics]. In: *Deiatel'nost' Andreia Il'icha Chudoiakova i dukhovnoe vozrozhdenie shorskogo Naroda* [The activities of Andrei Ilyich Chudoyakov and the spiritual revival of the Shor people]. Novokuznetsk.
- Shnirel'man V.A. (2024) *V pogone za predkami: Etnogenez i politika* [In Pursuit of Ancestors: Ethnogenesis and Politics]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia. 624 p.
- Shorskaya geroicheskaya skazka «Katkan-Chula, imeiushchii starshuiu sestru Altyn-Kook» [podgot. k publ. D. A. Funka] [Shor heroic tale “Katkan-Chula, who has an older sister Altyn-Kook” (prepared for publication by D. A. Funk)]. In: *Narody Rossiiskogo Severa i Sibiri / Sibirskii etnograf. sb.* [Peoples of the Russian North and Siberia / Siberian ethnographic collection], no. 9. Moscow, 1999, pp. 129–140.
- Shorskii fol'klor* / Zapisi, perevod, vstupitel'naia stat'ia i primechaniiia N.P. Dyrenkovoii [Shor folklore / Records, translation, introductory article and notes by N.P. Dyrenkova]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1940.
- Clifford J. (1986) Introduction: Partial Truths. In: Clifford J. and G.E. Markus (eds.) *Writing Culture. The Poetics and Politics of Ethnography*. Univ. of California Press, pp. 1–26.
- De Seta G. (2020) Three lies of digital ethnography, *J. of Digital Social Research*, Vol. 2, no. 1, pp. 77–97.

Сведения об авторе:

ФУНК Дмитрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией социокультурной антропологии, Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия). E-mail: d_funk@iea.ras.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Dmitry A. Funk, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: d_funk@iea.ras.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 3 апреля 2025;
принята к публикации 22 мая 2025.*

*The article was submitted 03.04.2025;
accepted for publication 22.05.2025.*